

Карл Клаузевиц и Отечественная война 1812 г.

Автор: Н. В. Солнцев

Солнцев Николай Васильевич - доктор философских наук, профессор Российского государственного социального университета.

В мае 1812 г., незадолго до вторжения Наполеона в Россию, подполковник немецкой армии, офицер Прусского генерального штаба Карл Филипп Готтлиб фон Клаузевиц (1780 - 1831) перешел на службу в русскую армию. Что побудило выпускника престижного Берлинского Всеобщего военного училища, бывшего адъютанта принца Августа Прусского, участника войны с Францией в 1806 - 1807 гг. покинуть родину?

В то время в Прусской армии образовалась группа патриотически настроенных генералов и офицеров, которые выступали против союза с наполеоновской Францией. В их числе был и Карл Клаузевиц. Он был автором программы этого движения под названием "Три символа веры". Примечательно, что в ней Клаузевиц обосновывал идею, согласно которой освобождение Германии от наполеоновского насилия станет возможным только в союзе с Россией. Эти слова оказались пророческими. В 1826 г. прусский фельдмаршал Гнейзенау писал: "Если бы не великодушие и героизм русского народа, то Германия до сих пор была бы под наполеоновской пятой".

Клаузевиц прошел Отечественную войну 1812 г. буквально с первого дня до последнего и вернулся в Прусскую армию в апреле 1814 г. после выступления Германии против Наполеона на стороне союзных держав.

По прибытии в Россию Клаузевиц приехал в Вильно (Вильнюс) и был рекомендован царю как "лучший знаток военного искусства и автор оригинального превосходного руководства для генералов".

Клаузевиц был определен на должность адъютанта генерала Карла Пфуля (в некоторых источниках - К. Фуль), в то время главного советника Александра I.

Начало русской деятельности Клаузевица было связано с проблемой Дрисского укрепленного лагеря.

Перед началом войны генерал Пфуль предложил царю план военных действий против Наполеона. По этому плану у г. Дрисса (Верхнедвинск) была построена укрепленная позиция. По замыслу Пфуля, одобренного императором, первая Западная армия Барклая де Толли должна была закрепиться в этом лагере, задержать основные силы французской

Относительно плана Пфуля существовали разногласия. Клаузевицу было поручено проверить укрепленный лагерь. Тщательно изучив местоположение и оборонительные сооружения, Клаузевиц установил, что предложенная позиция не позволяет оказать серьезного сопротивления французской армии. Он считал, что если бы русские не оставили эту позицию, то подверглись бы нападению с тыла и, будучи загнаны в полукруг собственных полевых укреплений, были бы вынуждены капитулировать¹.

Свое мнение Клаузевиц доложил царю лично. На военном совете план Пфуля был признан "безумным" и отвергнут не только русскими полководцами, как об этом пишут некоторые историки Отечественной войны 1812 г., но и всеми прусскими офицерами, кроме самого автора.

В последние дни июля армия Барклая впервые столкнулась с главными силами французов в боях под Витебском. Наполеон надеялся разгромить русскую армию, но русские полки отчаянно сопротивлялись, отбивали одну атаку за другой, решительно переходили в контратаку. В этих боях принял участие и Клаузевиц. Он попросился оставить пост квартирмейстера и вошел в боевые порядки русских солдат. На такой мужественный и рискованный поступок он решился потому, что 26 - 27 июля дивизия генерала Палена, в которой находился Клаузевиц, встретила с превосходящими силами Наполеона. Дивизии приходилось отбивать атаки конницы Мюрата почти двое суток. Был момент, когда Мюрат, пытаясь остановить бегущих в панике солдат, лично бросился в бой. Были критические ситуации и у русских. Много было убитых и раненых. Чтобы сохранить основные силы, пришлось оставить Витебск. Клаузевиц принял решение: в такой обстановке его место в ряду атакующих, а не в штабе. Была и другая причина, о которой пишет Ф. Фабиан: "Клаузевиц не владел русским языком. Поэтому в момент боя, когда было так важно путем передачи приказа обеспечить управление войсками, он считал бесполезным оставаться на своем посту, то есть квартирмейстером, и сражался в боевых порядках с оружием в руках"². Александр I отметил мужество, отвагу и инициативность Клаузевица в боях под Витебском, наградив его орденом Владимира IV степени.

Так же поступил Клаузевиц и в Бородинском сражении. Будучи начальником штаба кавалерийского корпуса Ф. П. Уварова, он вместе с атакующими сражался с французской кавалерией у речки Колоча и при защите батареи Раевского. Здесь ожесточение обеих сторон достигало временами безумия. "Многие из сражавшихся побросали свое оружие, цепляясь друг с другом, раздирали друг другу рты, душили друг друга в тесных объятиях и вместе падали мертвыми... Многие батальоны перемешались между собой, что в общей свалке нельзя было различить неприятеля от своих... раскаленные пушки не могли выдерживать действия пороха и лопались с треском, поражая заряжавших их артиллеристов"³. Так описывал один эпизод Бородинского сражения его участник

капитан Н. С. Пестриков.

Отступление к Москве сопровождалось непрерывными арьергардными боями, в которых Клаузевиц принимал участие. В одной стычке под ним было тяжело ранено конь.

Клаузевиц вместе с русскими войсками прошел через Москву. О своих впечатлениях и переживаниях он писал жене Мари: "При отступлении из Москвы я находился с арьергардом; мы закрепились неподалеку от города и в ту же ночь увидели, что он со всех сторон охвачен пламенем. Когда мы проходили по улицам, всюду лежали тяжело раненные; страшно подумать что большая часть из них - более 26 000 человек - сгорела заживо" ⁴. Говоря о причинах московского пожара, Клаузевиц справедливо отметил, что "... французы склонны смотреть на пожар Москвы как на главную причину неудачи

стр. 74

всего похода" ⁵. Очевидно, утверждал он, что такое мнение не заслуживает серьезного отношения, оно противоречит всему ходу кампании. Разве французы, пройдя путь от Немана до Москвы не убедились, что русские, отступая, не оставляют врагу не только свои склады с провиантом, но сжигают свои дома, города и деревни. Кстати, и в Москве вместе с армией из города были вывезены все пожарные команды. Таков был один из методов народной войны с неприятелем.

После Бородинского сражения и своего завершения кампания 1812 г. была предметом острых дискуссий и взаимных упреков среди отечественных и зарубежных историков.

Клаузевиц, вдумчивый свидетель событий, хорошо понимал, что вопрос о сдаче Москвы - вопрос государственного и национального масштаба, который имеет существенное значение для познания характера, хода и исхода войны в целом. По этому поводу он писал: "...упрек, которые некоторые писатели делают задним числом русским генералам, отчего они из Смоленска не пошли на Калугу, представляется недостаточно продуманным. Если бы русские захотели избрать это направление, то такое решение нужно было принять гораздо раньше, но принять его раньше было невозможно, даже если бы возникла подобная мысль, так как косвенная оборона Москвы лишь в последствии стала представляться совершенно естественной, раньше же она явилась бы теоретическим дерзновением, которого нельзя требовать от заурядного генерала, к тому же не облеченного широкими полномочиями" ⁶.

Клаузевиц пришел к такому выводу на основе скрупулезного анализа соотношения сил воюющих сторон, результатов предыдущих сражений, например, под Смоленском, готовности и качества резервов, наличия боевых и продовольственных запасов, состояния дорог и, наконец, способностей и таланта военачальников. Учитывая все это, можно было бы, по мнению Клаузевица, наметить другой план, а именно: от Смоленска избрать

дорогу в глубь страны, например, на Калугу и Тулу. Тогда Москва осталась бы в стороне от военных действий.

Однако и на этот раз действительность оказалась сильнее теоретических абстракций. Окончательное решение двигаться к Москве было принято 1 сентября 1812 г. на совете в Филях. Выслушав мнение всех присутствовавших военачальников, главнокомандующий фельдмаршал М. И. Кутузов обратился к членам совета и сказал слова, ставшими историческими: " с потерей Москвы не потеряна еще Россия". Теперь первую обязанностью будет сберечь армию, подкрепить ее пополнением и подготовить неизбежную гибель неприятеля. Он приказал, оставив Москву, отступить по Рязанской дороге ⁷.

Идея о возможности оставления Москвы возникла у Кутузова раньше совета в Филях. Еще 17 августа он писал генералу графу Ф. В. Ростопчину, что для него "не решен еще вопрос, что важнее - потерять ли армию или потерять Москву" ⁸.

Вся ответственность за сдачу Москвы французам фактически легла на плечи одного человека - Кутузова. Все обвиняли его чуть ли не в предательстве. Особенно тяжело было выслушать недоверие со стороны императора Александра I, который упрекал Кутузова в вялости, неспособности к решительным действиям и даже в трусости. В письме царь пригрозил: " Вспомните, что Вы еще обязаны ответом оскорбленному Отечеству в потере Москвы" ⁹.

Выбор Кутузовым рязанского направления в качестве пути отступления армии вызвал всеобщее недоумение. Однако спустя три дня этот путь был изменен: армия внезапно повернула на Запад и стала совершать знаменитый фланговый марш.

стр. 75

Решение Кутузова двигаться по калужскому направлению получило в истории военного искусства высокую оценку и всеобщее признание. Как справедливо заметил Клаузевиц, это было не прежнее отступление назад, а движение в сторону, поворот на юг. Велико было значение этого стратегического маневра, от него теперь зависел успех второй, завершающей фазы все кампании. Причем весь этот переход, утверждает Клаузевиц, "...был выполнен настолько удачно, что французы на несколько дней совершенно потеряли соприкосновение с нами" ¹⁰.

В чем было преимущество этого направления преследования? Главным образом в урожайности южных областей, их отдаленности от военных действий и возможности выгодного воздействия на французов на пути их отступления на Запад. Другое, не менее важное преимущество заключалось в том, что армии Наполеона приходилось отступать

по тем местам, которые уже были разорены ею, когда она наступала в глубь России.

Такой план преследования Клаузевиц назвал исключительным и безпримерным во всех отношениях. "Никогда еще преследование не проводилось в таком большом масштабе, с такой энергией и напряжением сил в этом походе, - писал он, - восторгаясь организацией массового преследования". "Неотступно следовать за бегущим противником, сделав 120 миль (850 км) менее чем в пятьдесят дней, либо по проселочным дорогам либо шоссе, ведущим через совершенно опустошенную местность, притом в ноябре и декабре, среди снегов и льдов России, при очень больших трудностях снабжения, - это, пожалуй, беспримерно... Это напряжение сил делает великую честь князю Кутузову" ¹¹.

В преследовании, которое сопровождалось постоянными стычками, особое место занимают события на реке Березине. Существовало два плана операции на Березине: императора и главнокомандующего. Александр I требовал добиться неизбежной капитуляции французов и взятия в плен Наполеона. Кутузов не соглашался с таким планом, но вынужден был уступить требованиям царя. Расчетливый и дальновидный Кутузов как никто другой понимал, что он уже почти уничтожил "Великую армию", а сохранившиеся ее части были обречены на верную гибель. Была и другая сторона вопроса: за два месяца преследования русские потеряли 70 тыс. чел. (из них 12 тыс. в бою, остальные по болезни и раненые). Вот почему Кутузов придерживался на Березине другого сценария - сохранить армию, избегая неоправданных жертв. Разумеется, он не исключал возможности окончательного уничтожения армии Наполеона и пленения его самого, но не ставил это как цель сражения на Березине.

Как нередко случается на войне, события пошли не по плану. Наполеону удалось построить два моста и переправить часть войск на другой берег. Вскоре подошли русские полки и начали артиллерийский обстрел. Среди французов возникла паника. Один из мостов под тяжестью людей обрушился. Оставшиеся в живых кинулись на сохранившийся мост или бросились в воду. Очевидцы, в их числе и Клаузевиц, рассказывали, что люди дрались, топтали друг друга, не щадя больных, раненых, даже женщин и детей. Генерал Эблэ, выполняя требование Наполеона, отдал приказ сжечь мосты. Оставшиеся на берегу были убиты или взяты в плен. Как писал Клаузевиц из Борисова, это был последний кровопролитный акт 1812 г., один из самых решительных ударов. После Березины у Наполеона осталось не более 19 тыс. солдат.

Уместен вопрос, как удалось Наполеону переправить часть армии, спасти гвардию и уйти от вполне вероятного плена самому? Наполеон ясно понимал, что надежды на спасение почти нет. Об это говорит и тот факт, что

костре знамена своей армии.

Адмирал П. В. Чичагов - главнокомандующий третьей Западной армией совместно с корпусом генерала П. Х. Витгенштейна должен был не допустить переправы французов. После оставления Борисова Чичагов вернулся на правый берег Березины и преградил путь отступающим войскам неприятеля. Под его контролем находился и брод у деревне Студянка. Туда рвался и Наполеон, так как это было единственное удобное место для переправы.

Одним словом, все шансы были на стороне Чичагова, но он, к сожалению, не сумел воспользоваться ими. Наполеон обхитрил его. Он демонстративно направил маршала Удино к броду у села Ухолод, в противоположную сторону от брода у Студянки, к югу от Борисова. Удино спешно производил там ложную наводку моста. Чичагов попался в эту ловушку и повернул свои полки на юг, к броду у Ухолода.

Наполеон с нетерпением ждал этого момента. Он без сожаления покинул Борисов и ускоренным маршем направился к броду у Студянки, который уже никем не охранялся, и успел навести два моста.

Конечно, Чичагов допустил непростительную ошибку, которая объяснялась не только полководческими талантами Наполеона. Как писал Фабиан, Чичагов "...плохо разбирался в искусстве управления сухопутными войсками был не способен командовать армией" ¹². Клаузевиц, будучи непосредственным свидетелем этих драматических событий, посмотрел на них несколько шире и более объективно, связав их причины с вопросами организации взаимодействия и ответственностью военачальников за выполнение приказов.

Клаузевиц пишет, что генерал Витгенштейн (второе ответственное лицо за переправу) знал, что французы готовят переправу близ Студянки и "...вместо того, чтобы идти на Студянку пошел на Смоленскую дорогу... Несомненно, в основе этого лежала извечная робость, черзмерная заботливость об ограждении своего корпуса от неудачи, и в этом отношении с генерала Витгенштейна нельзя снять известной ответственности за то, что Наполеону удалось ускользнуть" ¹³.

Березина, считал Клаузевиц, задела в некотором смысле и авторитет Кутузова. Вот как он оценил его действия: "Только одну безусловную ошибку можно поставит в вину Кутузову: он знал, что Чичагов и Витгенштейн преградят путь противнику у Березины и заставят его остановиться...В этих обстоятельствах ему следовало именно в этот момент держаться не далее одного перехода от неприятельской армии" ¹⁴. Однако время было упущено. Французы сосредоточились в Борисове на два-три дня раньше прибытия авангарда русских. Кутузову следовало, считает Клаузевиц, сделать несколько форсированных маршей, чтобы раньше попасть в Борисов и тем самым оказать помощь подчиненным ему генералам.

На наш взгляд, Клаузевиц допустил здесь недооценку Кутузова. На Березине фельдмаршал последовательно осуществлял свой стратегический принцип: он не хотел принять большой бой на Березине, что несомненно было бы связано для него с крупными потерями, которые не имели здесь никакого смысла, так как французы и без того были обречены. Следовательно, это была не "ошибка" Кутузова, а вполне продуманное решение. Кстати, оценка его действий на Березине противоречит ряду других высказываний Клаузевица о фельдмаршале: "Мы не станем отрицать, - писал Клаузевиц, - что личное опасение понести вновь сильное поражение от Наполеона явилось одним из мотивов его деятельности, но если отбросить этот мотив, то разве не останется вполне достаточно причин для того, чтобы объяснить осторожность Кутузова".

стр. 77

Хотя борьба с Наполеоном еще будет продолжаться, но Россия уже нанесла "Великой армии" и ее прославленному полководцу смертельную рану. Русская армия, ее солдаты, офицеры, полководцы во главе с фельдмаршалом Кутузовым показали всему миру пример мужества, стойкости, отваги и духовного величия. "Вы спасли не одну Россию, Вы спасли Европу", - сказал Александр I, поздравляя Кутузова 24 декабря 1812 года.

Подчеркивая большие заслуги Клаузевица в развитии военного искусства, ученые останавливаются на его классической работе "О войне", в которой автор разработал фундаментальные вопросы военной теории, начиная от философского анализа природы и теории войны, включая вопросы стратегии, тактики, обороны и наступления, и завершая изложением диалектики войны и политики.

Книга "О войне", будучи плодом осмысления опыта более 130 войн, не обошла стороной события 1812 года. Многие обобщения и выводы, сделанные в книге, вытекали из практики боевых действий Отечественной войны. Они в виде отдельных замечаний, наблюдений, предположений разбросаны в его работе "1812 год", специально посвященной событиям того времени. Опыт Отечественной войны 1812 г. дал Клаузевицу обширный материал для теоретических обобщений.

В его итоговой работе "О войне" было разработано учение о диалектике войны. Война 1812 г. представлена в ее развитии. Изучение содержания и характера конкретных боевых действий дает возможность представить картину войны в целом. Автор строго соблюдает исходный принцип научного подхода - целое складывается из его частей. Эмпирический разум есть наблюдающий разум. Клаузевиц всегда находился в гуще событий, он воспринимал их не с чужих слов, а как динамичные, противоречивые и нередко катастрофические явления, не монотонный линейный процесс, а постоянное столкновение противоположных сил, которое происходит в реальных условиях пространства и времени.

Клаузевиц постоянно напоминает, что действительная война в отличии от ее теории,

переполнена многими непредвиденными мелочами, которые не поддаются учету, и случайностями. Преклонение перед теорией, абсолютизация ее, привычка мыслить и действовать не творчески, а по шаблону, способны парализовать волю военачальника. Указывая на злоупотребления теорией в деятельности штабного офицера Вольцогена, адъютантом которого Клаузевиц был в 1812 г., он писал: кто хочет работать в атмосфере войны, должен забыть о том, что твердят книги. Книги приносят пользу лишь постольку, поскольку они содействуют образованию и развитию мышления. Кто же будет искать вдохновение не в импульсе, даваемом моментом, а в готовых идеях, не переродившихся в его плоть и кровь, тот увидит свои построения еще прежде, чем они будут завершены, опрокинутыми потоком событий. Стремление проводить в жизнь школьную схему, по мнению Клаузевица, - большой порок в начальнике.

Однако заслуга Клаузевица не только в эмпирическом исследовании войны 1812 года. Будучи ученым философского типа, он пытается осмыслить каждый элемент войны теоретически, что позволяет ему познать их в связях и закономерностях. Эмпирическое в войне есть основа теории военного искусства. Оба эти виды исследования сущности войны - эмпирический и теоретический - органически взаимосвязаны. Эмпирические исследования, выявляя новые данные наблюдения и эксперимента, стимулируют развитие теории войны, способствуют обнаружению ее устаревших элементов, вносят в нее нечто свежее, живое. В то же время теоретические исследования войны, осмысливая новый опыт боевых действий, сопоставляя его с принятыми

стр. 78

принципами, открывают неизвестные до этого перспективы объяснения и предвидения фактов, ориентируют и направляют эмпирические исследования практики войны. Рассматривая такую роль военной теории, Клаузевиц не склонен придавать ей руководящее место в войне. Она, по его мнению, играет исключительно подготовительную роль, вырабатывает определенное военное мировоззрение, но никак не является ведущей стороной в обстановке боя. Отсюда его чрезвычайно внимательное и вдумчивое отношение к любым, даже незначительным, действиям воюющих сторон. Война 1812 г. продемонстрировала исключительную роль творческого, не шаблонного подхода к событиям, которая особенно ярко проявилась в полководческом даре Кутузова.

Отечественная война 1812 г. стала важнейшим и совершенно необычным полем испытания наполеоновского военного искусства. В XIX в. произошли огромные изменения экономического, политического и технического характера. И все это - на фоне серьезного отставания теории военного искусства. Военная мысль плелась в хвосте практики. Такое торможение имело и свою субъективную причину. Почти все военные теоретики видели в стратегии и тактике Наполеона последнее и самое авторитетное слово в искусстве побеждать. Военная теория перестала развиваться. Она остановилась на Наполеоне.

Практическое воплощение наполеоновской теории ведения современной войны потерпело полное и неожиданное для ее сторонников поражение на русских полях в 1812 году. Практическую ее непригодность доказал Кутузов, теоретическую - Клаузевиц. Спустя некоторое время, на страницах книги "О войне" он решительно отказался от догматизации теории военного искусства наполеоновской эпохи, показал ее несостоятельность,

Обосновывая принципиально новый подход к пониманию современного уровня развития военного искусства, Клаузевиц опирался, во-первых, на огромный опыт войн, показав, что практика ведения современных войн перетерпела большую эволюцию. Она опередила их теоретическое обоснование. Во-вторых, Клаузевиц, будучи учеником Канта и Гегеля, обладал методом диалектического мышления, он был философом войны. Поэтому для него было вполне естественно рассматривать войны и военное искусство в их развитии, раскрывая их противоречия и причинно- следственные связи.

Отечественная война 1812 г. своими нестандартными, нетрадиционными методами ведения боевых операций, новыми стратегическими и тактическими приемами и, наконец, трагическими последствиями для французов основательно подорвала не только военную силу Наполеона. Она сделала нечто не менее важное: 1812 г. положил начало неуклонному и неизбежному разрушению наполеоновской теории военного искусства. Катастрофы Наполеона под Лейпцигом и Ватерлоо берут свое логическое начало в войне 1812 года. Эти события в совокупности продемонстрировали на российских полях сражений, что эпоха всеобщего торжества наполеоновского военного искусства уходит в архив истории. На смену ему приходит новое военно-теоретическое мышление, противное шаблону, старым традициям, догмам и канонам прошлого.

Анализируя события 1812 г., Клаузевиц обратил внимание на крайне отрицательное влияние нездоровых настроений по отношению к иностранцам. Сложилось так, что в кампании 1812 г. участвовало немалое число офицеров и генералов зарубежных стран. Подавляющее большинство среди них составляли немцы.

Клаузевиц пишет, что до назначения Кутузова главнокомандующим (8 августа 1812 г.), по мнению русских, все шло из рук вон плохо только по

вине иностранцев, а Барклай действовал исключительно под их влиянием. Более того, к их дурным советам прислушивался и царь ¹⁵. Якобы именно по этой причине русская армия всячески избегала решительного сражения, не перешла в наступления после Смоленска, отступала на восток. Всю вину за отход армии возлагали на Барклая де Толли. Неприязнь к иностранцам распространялась не только среди военных. Г. Р. Державин, осуждая Барклая, писал: "Теперь ясно видно, что Барклай - нечестный человек и неверный или глупый вождь, что впустил столь далеко врага внутрь страны" ¹⁶.

Духовенство считало, что присутствие иностранцев приносит несчастье.

На первый взгляд может показаться, что Клаузевиц придает этому вопросу слишком большое значение, однако это далеко не так. Все события войны до Бородино оценивались исходя из этой надуманной, искусственной проблемы. Как показал дальнейший ход событий, она не имела никакого разумного оправдания и была вызвана, по мнению Клаузевица, лишь "нашей восточной подозрительностью".

По существу, это был морально-психологический конфликт, который приобрел общенациональный характер, оказывая деморализующее влияние на боевой дух армии.

Описывая военные действия обеих сторон, Клаузевиц стремился к их правдивому изложению, сохраняя в основном критический взгляд, но иногда он поддавался влиянию штампов. Речь идет о "русской зиме", о "страшных морозах", о "бездорожье". Создается впечатление, что эти факторы оказывали воздействие только на противника, обеспечивая в то же время благоприятные условия для своих. Так, например, описывая отступление русской армии, Клаузевиц утверждает, что "... в материальном отношении русская армия за все десять недель своего отступления чувствовала себя превосходно"¹⁷, в то время, как французы замерзали и голодали. На деле русские солдаты страдали не меньше, в этом Клаузевиц признавался и сам. В письме жене 12 августа он писал: "Лишения, связанные с походом, исключительны. Девять дней подряд ежедневные переходы, пять недель не раздевались, жара, пыль, ужасная вода, а часто и очень чувствительный голод"¹⁸. Да и зима 1812 г. не пощадила русских. Тысячи заболевших от холода и плохой пищи выбывали из строя. И сам Клаузевиц это ощутил на себе: он обморозил нос и щеки.

Начав войну с Россией, Наполеон окунулся в неизвестность. Избалованный победами и славой великого полководства, он самоуверенно рассчитывал в одном-двух генеральных сражениях разгромить русскую армию, захватить столицу и принудить российского императора к заключению мира. Но постепенно взгляды Наполеона менялись.

Посол Франции в России маркиз Араман де Коленкур в своих "Мемуарах" писал, что уже в первую половину войны Наполеон начал убеждаться в том, что он принимал русский народ за кого-то другого, и что перед ним враги, презирающие раны, увечья, смерть, готовые скорее сжечь все свое имущество, чем накормить своим хлебом французских солдат или своим сеном французских лошадей. "Никаких пленных, никаких трофеев - вот что больше всего раздражало императора, и он часто жаловался на это" - свидетельствует Коленкур.

Стойкость и храбрость русского солдата особенно сильно поразили Наполеона в сражениях под Бородино. Коленкур вспоминает, как в разгар боя Наполеон сказал ему и князю Невшательскому, что каждый русский солдат не человек, а крепость. Эти русские дают убивать себя как автоматы, взять их нельзя. Это цитадели, которые надо разрушать пушками. Особенно высоко оценивал Наполеон действия казаков и партизан. Ни потери в

бою, ни состояние кавалерии и ничто вообще не беспокоило его в такой мере, как

стр. 80

внезапное появление казаков в тылу. Наполеон и его генералы считали, что казаки - лучшие в мире легкие войска для сторожевого охранения армии, для разведок и партизанских вылазок.

Явно изменились прежние взгляды Наполеона и о командовании русской армии. Еще до начала своего отступления из Москвы он признался, что у императора Александра есть отчасти лучшие помощники, чем у него. Не таким простаком оказался и "загадочный главнокомандующий Кутузов с его убийственной для французов тактикой". После прихода Кутузова в армию реальные условия боевых действий остались прежними, армия продолжала отступать вплоть до сдачи Москвы. Однако, она верила в своего полководца и эта вера придавала ей силу. На протяжении все войны моральное превосходство было на стороне русских.

Примечания

1. ФАБИАН Ф. Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время. М. 1956, с. 184.
2. Там же, с. 192.
3. История лейб-гвардии Московского полка. Составил капитан Н. С. Пестриков. Т. 1. (с 1811 по 1825 г.). СПб. 1903, с. 64 - 65.
4. ФАБИАН Ф. Ук. соч., с. 202.
5. КЛАУЗЕВИЦ. 1812 год. М. 1937, с. 62.
6. Там же, с. 141.
7. Бородино. Документальная хроника. М. 2004, с. 160 - 161.
8. МИХАЙЛОВСКИЙ-ДАНИЛЕВСКИЙ А. И. Описание Отечественной войны 1812 года. Ч. II. СПб. 1839, с 199.
9. Фельдмаршал Кутузов. Сб. документов и материалов. М. 1947, с. 198.

10. КЛАУЗЕВИЦ. Ук. соч., с. 61.

11. ФАБИАН Ф. Ук. соч., с. 208.

12. Там же, с. 211.

13. КЛАУЗЕВИЦ. Ук. соч., с. 71.

14. Там же, с. 73.

15. Там же, с. 38.

16. Российская газета. 10.V.2012.

17. КЛАУЗЕВИЦ. Ук. соч., с. 105.

18. Там же, с. 210.